



Алексей Пошивалов

Рубеж

Алексей Пошивалов

Рубеж

«Автор»

2026

Пошивалов А.

Рубеж / А. Пошивалов — «Автор», 2026

Егору пятнадцать, и система уже решила, кем ему быть. Изменить это можно, только пройдя летний сезон в виртуальном «Рубеже»: гора, голод, чужие маркеры — и живые «трудовые модели», которых разрешено гнать болью. А можно отказаться. И остаться ни с чем, кроме своих. Классической прокачки — уровней и растущих цифр в книге нет. Первая книга цикла

© Пошивалов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последняя игра	5
Глава 1. Утро на ферме	8
Глава 2. Две очереди	14
Глава 3. Высадка	20
Глава 4. Путь на гору	24
Глава 5. Трудовые модели	29
	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алексей Пошивалов

Рубеж

Пролог. Последняя игра

Город они не удержали.

На карте Егора ещё одна зелёная точка мигнула и погасла — враги дожали её в развалинах, и зелёного в городе не осталось. Шесть красных маркеров направились от центра города на север, и через восемь секунд пропали, скрывшись в тумане войны.

Тяжёлый боевой робот Лёхи на полной скорости влетел на позицию Егора, размалывая валуны в мелкую крошку, и застыл за скалой. Через секунду его гаусс-пушка уже была развернута в боевое положение и медленно ощупывала город.

Идеально просматриваемая с их точки долина переходила сначала в горную узость, а затем в ущелье, где находилась база повстанцев. Последний оплот, который надо удержать любой ценой.

— Таня, ты там как, нормально спряталась? — сказал Егор в эфир. — Может, лучше бы было за теми валунами укрыться?

— Не учи мышку прятаться, — отозвалась Таня. — Ты меня видишь?

— Не вижу, — тихо ответил Лёха.

— А я тут есть.

Мех Тани они, даже точно зная, куда смотреть, разглядеть не могли. Зелёная точка «Кузнечика» светилась на карте чуть левее от центра долины, там, где спрятаться, казалось, не было никакой возможности. В километре от позиции девушки лежали валуны, за которыми, по мнению Егора, укрыться было бы гораздо удобнее: защита там лучше, чем в хилых кустах, где она засела сейчас.

Прошло три долгих минуты тишины, и вдруг откуда-то из города по тем самым валунам ударила длинная очередь автопушки, дополненная чем-то тяжёлым, превратив их в облако каменной крошки и пыли, медленно сносимой лёгким ветерком на север. Через пару секунд из города вышли шесть вражеских мехов, выстроились в коробочку вокруг самого большого из них, и двинулись ко входу в ущелье.

— Шестеро, — пробурчал Лёха. — Я один их всех не завалю.

— Мы с Егором поможем, — сказала Таня. — И сместись левее за скалу, я вижу твой бок отсюда, а они тоже не слепые.

Лёхин тяжёлый штурмовой «Медоед» легко и плавно, будто в нём не было восьмидесяти тонн веса, сместился влево, глубже под козырёк скалы. Егор медленно перетёк за ним следом: инженерный мех типа «Бобёр» маскировался посредственно, и следовало быть аккуратным.

Красные метки вражеских мехов уверенно шли коробочкой, как на параде.

— Пять центурионов с автопушками и один инженерный, — доложила Таня. — Очень грамотно идут.

— Вот эта группа скал, в двух километрах от нас, — сказал Егор. — У центурионов максимальная дальность огня как раз на пределе от этой метки. Таня, когда будут в сорока метрах от скал, дай сигнал, и следи, что будет делать инженер.

— Понятный план, — сказал Лёха. — Что может пойти не так?

Через две минуты коротко скомандовала Таня, и «Медоед» Лёхи вывалился из-за валунов — тяжёлый, медленный, с длинным стволом гаусс-пушки в правом манипуляторе — и ударил. Лидирующий мех противника развалился надвое, пятеро остальных на полной скорости, но не разрывая построения, рванули за группу скал.

— Егор, инженер разворачивается для ракетного удара, — сказала Таня. — У тебя шесть секунд.

Через мгновение Егор выпустил весь боезапас из двадцати мин, которые по высокой дуге скрылись в небе и через четыре секунды как горох посыпались на врагов, скрывающихся за скалами.

— Минус два центуриона, — сказала Таня, и в голосе у неё впервые мелькнуло что-то живое. — Трое выходят на вас, я ставлю на них метки, и сразудвигаюсь за склон. Вряд ли они разделятся, чтобы меня поймать.

По «Медоеду» уже открыли огонь. Пока неточный, но все трое бодро шли на сближение, не обращая внимания на Кузнечика Тани, держащего на них метки подсветки прицела. Они хотели смести наглого тяжа числом и наказать за наглость.

— Таня, держи метки, — сказал Егор. — Лёха, теперь стреляй только в режиме под-держки. Аэрозоль пошёл.

Через секунду «Медоед» Лёхи окутался плотным серебристым облаком маскировочной аэрозоли, сквозь него оранжевыми пчёлами жужжали пунктиры трассеров. Огонь противника становился всё кучнее по мере их приближения, и снаряды всё чаще рикошетили от брони меха. Редкий вой выстрелов гаусса, стрекот автопушек и визги рикошетов пробивались даже через фильтры мехов.

— Один минус, — сказала Таня. — Остальные ускорились, не маневрируют, идут прямо. Инженер перестраивается в РЭБ, можем потерять мои метки.

— Пусть добегут, — сказал Лёха. — Я их врукопашную разделаю.

Но Егор прекрасно понимал, что даже против одного Центуриона производства Соединённых Стран Америки у них втроём нет никаких шансов. Специализированный для ближнего боя средний мех пройдёт через «Медоеда» и его инженерного Бобра как нож сквозь масло.

— Ещё один уничтожен, прямое попадание в реактор, — сказала Таня. — Последний начал маневрировать.

И тут метка подсветки на нём пропала. Инженерный мех противника всё же смог развернуть антенны, несмотря на повреждения, и успешно подавлял целеуказание.

— Горю, — сказал Лёха, и шутки в голосе стало меньше. — Слышь, Бобёр. Я слегка горю. И перегрев пушки.

— Держись, — сказал Егор и переместился за скалу чуть ближе. Пена захлестнула «Медоеда», сбива часть пламени, но не всё. Инженерный мех — это не волшебная палочка.

— Я полетела, — сказала Таня. — Ждите метку.

В динамиках мехов щёлкнуло, и голос Тани сменился жужжащими переливами и темпом «Полёта шмеля». Таня любила и ценила классическую музыку.

«Кузнечик» выскочил из кустов как кузнечик. Лёгкий мех со слабым вооружением и тонкой бронёй, годный в основном только смотреть и прятаться, взмыл в воздух. Оставляя за собой след реактивного выхлопа, подлетел к инженерному меху сзади и ударил с двадцати метров точно в решётку радиатора на затылке.

Через долю секунды раздался вой гаусс-пушки, и пытающийся увернуться Центурион замер, дёрнулся и взорвался изнутри.

На карте одновременно погасли обе красных вражеских отметки.

— Егор, давай ко мне, — сказал Лёха. — Подлатай, мне колено развалил этот гад. Еле стою, понимаешь.

Егор повёл «Бобра» к горящему «Медоеду», и в этот самый момент у него в ухе щёлкнуло, и тихий голос произнёс:

— Гоша снова застрял.

Егор усмехнулся, выпуская ремонтных ботов и туша остатки пламени:

— У меня опять Гоша застрял. Поможешь через полчаса? Я один не справлюсь.

— Я уже выезжаю тогда. Позавтракаю у тебя заодно, а то у меня автоповар сломался.

Егор снял шлем и перчатки. Долина, дым, горящий «Медоед» — всё схлопнулось разом, как будто кто-то выключил свет с той стороны.

Глава 1. Утро на ферме

Он встал из кресла, и сразу наступил на лежащий на полу болт. Короткая злая боль быстро и полностью вернула его из VR-игры в реальность.

Пол под ступнями был холодный. Похоже, день уже начался, не дожидаясь Егора. Во дворе глухо взвыла гидравлика, потом что-то скрипнуло с мокрой задержкой и затихло.

Гоша не оставлял попыток.

— Гоша пытается выбраться, — прошептал в ухе Улей. — Его шансы на это около трёх процентов.

— Где? — спросил Егор, нащупывая рубашку на спинке стула.

— Восточный забор. Правая задняя опора ушла в грунт. Общая тенденция сохраняется.

— Какая ещё тенденция?

— Гоша продолжает погружение.

Егор натянул рубашку. Она пахла травой, маслом и летом. На инфостене напротив всплыло уведомление: семь маленьких лампочек и название «Семь лампад: Рубеж». Под ним мерцала строка: «Ваш индекс: 47. Полное прохождение рекомендовано».

— То есть прохождение обязательно, — сказал Егор, застёгивая рубашку на ходу.

— Система заботится, — ответил Улей.

— Как думаешь, есть варианты отскочить?

— Есть. Но все ухудшают прогноз по индексу социальной адаптации.

— А если заболеть, например?

— Рабочий вариант в этом случае только болезнь со смертельным исходом. Не оптимально.

— Никакой от тебя нормальной помощи нет.

На кухне пахло кофе и старым деревом. Бабушка у плиты спокойно помешивала кашу — застрявший во дворе пятитонный мех производил на неё впечатление не больше, чем слегка задумавшаяся курица.

Фёдор столбиком стоял у окна и визуально контролировал перекошенного Гошу.

Егор потянулся было к горячим, пахнущим сдобой булочкам, стоявшим слева от бабули, но та, не оборачиваясь, ловко переставила корзину с ними на полку.

— Сначала поешь как следует, — сказала бабушка. — Потом уже займёшься Гошей. Алексея я уже покормила, он тебя во дворе дожидается.

— Ситуация у Гоши не улучшилась, — добавил Фёдор. — За время наблюдения глубина погружения правой задней опоры увеличилась на два сантиметра.

— Вот видишь, — сказала бабушка. — Гоша точно никуда не денется.

Егор сел, взял ложку и стал есть быстро, почти не чувствуя вкуса. Каша была густая, горячая, с маленьким кусочком масла посередине. Масло таяло медленно. Егор смотрел на него и думал, что даже у масла в каше больше времени, чем осталось у него.

— Индекс свой проверял? — спросила бабушка.

— Да, проверил.

— И как он себя чувствует?

— Ниже среднего.

Бабушка повернулась к Егору и внимательно на него посмотрела поверх очков.

— Егорушка, тебе надо обязательно идти.

— Я думал, ты сейчас скажешь что-нибудь про свободу выбора.

Бабушка помешала кашу, не сразу ответила.

— Свобода, Егорушка, — это когда сам решаешь и делаешь. А если что не так — на себя же потом и пеняешь.

Она поправила полотенце.

— А когда тебя под руку ведут, заботятся, прислоняют — оно вроде и легче. Только это уже не ты живёшь.

Фёдор повернул к Егору голову.

— Приём пищи завершён на шестьдесят два процента.

— Отвянь, — сказал Егор.

— Термин «отвянь» неприменим к процедуре наблюдения за поглощением каши.

— С твоей стороны — очень даже.

— Моя сторона определена. Я нахожусь у окна.

— Оба помолчали, — сказала бабушка.

Фёдор замолчал сразу. Улей в ухе пискнул и сделал вид, что его это не касается.

Егор доел, схватил из корзинки булочку и сунул ноги в сапоги.

На улице было прохладно. Двор блестел после ночного дождика, низкая трава у дорожки торчала мокрым ёжиком и с купола фермы ещё бежали тонкие ручейки. У восточного забора стоял перекошенный Гоша — криво и тяжело, уже не пытаясь выбраться самостоятельно.

Неподалеку от меха на перевёрнутом ведре сидел Лёха. В одной руке у него была лебёдка с тросом, а второй он чесал затылок и смотрел на мех с уважением к чужой масштабной глупости.

— Доброе утро, механизатор. Гоша решил расширить ферму на восток?

— Он решил, что нам нужны ещё одни ворота.

— Я, кстати, вообще не понимаю смысла в вашем заборе. Он чтобы что?

— Он — традиция. За помощь получишь вкусную булочку.

— Меня ими Мария Петровна уже накормила так, что больше не влезет.

— Тогда давай цепляй лебёдку, а балку ставь под опору, но только когда я танцевать начну.

Лёха вздохнул и пошёл к столбу, разматывая трос. Егор подтащил мокрую балку и положил поперёк ямы. Правая задняя опора Гоши почти до верхнего шарнира сидела в жидкой коричневой грязи, а сам корпус опасно разворачивало к забору.

Егор забрался в кабину и встал в ложементную стойку. Фиксаторы защёлкнулись только со второго раза, обхватив бёдра чуть выше, чем надо. Гоша Егору пока ещё был великоват. Внутри пахло старым пластиком, железом и мокрой землёй, которую он сам принёс на сапогах. Он перенёс вес на левую ногу и подождал.

Приводы подхватили с небольшой задержкой. Гоша тяжело заворочался, медленно просыпаясь. Егор качнул корпус влево. Передние опоры приняли часть нагрузки, а правая задняя поднялась из грязи на ширину ладони — и мех тут же повело к забору.

— Лёха, пихай балку!

— А я, по-твоему, для красоты тут с ней прыгаю?

Егор быстро сбросил фиксаторы, выскочил из стойки и спрыгнул в грязь. Подбежал к блоку лебёдки, дал короткую натяжку. Трос натянулся, щёлкнув по плечу, ладонь скользнула по мокрому металлу. Гоша выбрался из ямы, переставил заднюю опору на Лёхину балку, чудом не отдавив тому руки. И боком навалился на забор.

Старая панель вылетела, хлопнула и осталась висеть на одном креплении.

Лёха посмотрел на панель, потом на Егора.

— Считай, открыл дополнительный доступ к участку.

— Чуть-чуть не успел с лебёдкой.

С крыльца донёсся голос бабушки:

— Третьи ворота нам тут не нужны. Нужно будет аккуратно починить.

— Я не специально!

— Я тоже так считаю, но починить всё равно надо.

Фёдор подкатил к краю ступеньки, повернул датчики к забору.

— Советую зафиксировать Егора ответственным за выполнение работ.

— Фёдор, — сказал Егор, — когда-нибудь я тебя сам разберу на советы.

— Уточните: на полезные или бесполезные?

Лёха хмыкнул, а Егор сделал вид, что не услышал.

Плечо ныло там, где трос его ударил, ладони пахли металлом и смазкой. Он подошёл к панели, попробовал поставить её на место, понял, что так не выйдет: крепление вырвало, нужен инструмент. Днём придётся возиться.

Лёха смотал трос, бросил перчатки на мокрую балку и полез в карман. Воровато оглянувшись на крыльцо, сунул в руку Егора маленькую плоскую коробочку.

— Думаешь, получится? Не верю я что-то, что она нам ни с того ни с сего помогать станет.

— Я точно не знаю, — сказал Егор, убирая коробочку в нагрудный карман. — Вроде нормальная девчонка, и в прошлый раз всё толково объяснила, не думаю, что сейчас подведет.

— Так-то да, схему антидрон-модуля она верную предложила, — задумчиво сказал Лёха, — это твою Пчелу на экзамене и спасло.

— Тогда Пчела ретранслировала, а этот, новый, просто пискнет один раз и всё. Самое главное, чтобы ты в пайке не накосячил. — Егор показал пальцем на свой карман. — Тогда всё зря.

— У меня всё всегда точно, я три раза проверил, — ухмыльнулся Лёха. — Таня без нас не справится, ты же знаешь.

— Ты, похоже, в неё втрескался?

— Кто бы говорил. Танюха хотя бы живая и своя, а ты с какой-то форумной аватаркой переписываешься, — буркнул Лёха. — Вдруг это вообще дед с усами?

— Она девушка. Ты с Санычем говорил, он точно даст мне третью капсулу?

— Да, он подтвердил, посмотрел, как на дурака, правда, — усмехнулся Лёха. — Кто же добровольно в неё полезет после того, что с Тёмой случилось.

— Это всё школьные страшилки, но из другой не выйдет. Такая одна осталась, со старой прошивкой.

Лёха пожал Егору руку, развернулся и пошёл по дороге к своему скутеру, легко перепрыгнув через лужу, которую Егор бы обошёл. Через минуту за деревьями стихло жужжание мотора, и стало слышно гул Гоши на холостом и хлопанье висящей на одном креплении панели.

К полудню Егор забор починил, а Гошу загнал под навес. «Пчела» вернулась с обычного облёта — шла низко над травой, с неровным сиплым жужжанием, чуть боком: не идеально, но целеустремлённо.

Егор перехватил её у сарая, проверил корпус дрона и пошёл к реке. По пути заглянул к ульям — двенадцать белых корпусов стояли вдоль южного забора, солнечные панели на крышках жадно ловили полуденное солнце. Всё в порядке. Улей уже снимал показатели.

Горная речка слегка вышла из берегов. Вода после ночного ливня шла мутноватая, на середине крутились водовороты. Слева, за полосой сосен, начиналась территория лагеря. Егору были хорошо видны ровные дорожки, белые купола корпусов и тонкие мачты связи, которые слегка раскачивал ветер. В прошлом году там стояли два старых купола, посадочная площадка и один ретранслятор у леса. Теперь лагерь расползся почти до самой реки. Белые купола стояли ровными рядами, мачт стало больше, а между деревьями поблескивали новые секции ограждения. Старый лагерь преобразился и стал похож на небольшой городок.

«Пчела» кружила над Егором в режиме сопровождения, тихо жужжа.

Из-за сосен вылетел белый лагерный дрон. Их было много над лагерем, и обычно они ходили по стандартным маршрутам. Но этот шёл слишком низко и слишком прямо, будто заранее знал, где окажется «Пчела». Красная полоска контроля на боку коротко мигнула.

— Эй, — сказал Егор, но было уже поздно.

Белый дрон сделал манёвр отсечения. Он не ударил в лоб — просто прошёл поперёк траектории, слишком близко, сантиметрах в десяти. Воздух дёрнуло, «Пчела» качнулась, левый импеллер сорвался в визг, и дрон перевернулся, шлёпнувшись в мокрую траву у берега.

Не снижая скорости, белый дрон вдруг задёргался на курсе и с громким всплеском вошёл в реку.

Егор побежал к «Пчеле» и поднял её за нижнюю рамку. Корпус холодный, мокрый. Между защитными дугами торчала трава, один импеллер прижало к корпусу, камера съехала в сторону. Он попытался провернуть лопасть — она прошла четверть круга и встала.

Над местом падения лагерного дрона по воде шли пузыри.

Из-за сосен в сторону Егора шла девушка — небольшого роста, в серебристом лагерном комбинезоне. На её руке мигал жёлтым тонкий браслет. Аватар в переписке был мультяшный, но узнаваемо похож.

Это была Яна.

Егор в конце концов наладил импеллер.

Она подошла к берегу и посмотрела туда, где булькал дрон. На браслете вспыхнула жёлтая метка — она глянула, закрыла. Не показала виду.

— Ты тот самый Егор из Дубков, — сказала она.

— Ты Яна, я тебя узнал. И твой дрон только что чуть не убил Пчелу, — сказал Егор.

— Мой дрон только что стал подводным, — ответила Яна. — И похоже, тут без твоего не обошлось.

Егор провёл рукой по лицу, размазал грязь по щеке, посмотрел на воду и решил, что обижаться сейчас будет глупо.

— Да, но мой — это мой, а твой — лагерный, его не жалко. Но ты права, Лёха твою схему собрал, и она работает.

Яна посмотрела на воду.

— Из-под воды следить не сможет.

Он сел на корточки, проверил «Пчелу», провернул импеллер — тот прошёл полкруга и застрял.

Яна наблюдала.

— А почему ты назвал дрон Пчелой? — спросила она.

— Потому что маленькая, упрямая и в полоску. А теперь ещё и жалит.

— Ты сам её так раскрасил?

— Это просто плёнка, под ней запрещённая динамическая маскировка.

Яна чуть заметно хмыкнула.

Егор стёр грязь с корпуса и только размазал шире. Сильнее, чем хотел, провёл пальцем по плёнке.

— Зато моя Пчела за мной не следит, не то, что твой лагерный, и я её сам могу починить, — сказал он.

Яна уже открыла было рот, но ничего не сказала. Посмотрела сначала на Пчелу, потом на его грязные пальцы. На секунду у неё что-то сбилось — как полёт у её дрона.

— У тебя все руки в грязи, — сказала она уже без улыбки.

— Случается, когда что-то делаешь руками.

Это прозвучало гораздо резче, чем он хотел.

Оба замолчали. Он смотрел на импеллер, а она на реку.

— Так что насчёт нашей договорённости? — сказала Яна. — Я хочу в твою группу, как обсуждали. Ты местный, округу знаешь не по карте, а мне это нужно.

— Дай свой идентификатор, — сказал он, глядя в сторону.

Яна молчала секунду. Потом коснулась своего браслета и мягко взяла Егора за руку. Его ладонь была мокрая, а пальцы чуть дрожали. Браслет тихонько пискнул, принимая данные.

— Я в долгу не останусь, — сказала она, всё ещё держа его за руку. — Систему знаю, в Рубеже помогу, чем смогу. У меня второй сезон этот.

— Ты же могла войти из города, — сказал он. — Зачем сюда приехала?

— Затем и приехала. — Она кивнула на его браслет. — Чтобы оказаться в твоей группе. Из города в другое место бы закинуло.

Над ними кружила Пчела с шипящим импеллером.

— Не факт, что сработает, система сама распределяет, — сказал он.

— Я знаю, как работает система.

Яна отпустила его руку.

Посмотрела на Пчелу последний раз. Потом потрепала его по голове — быстро, как треплют младшего, — и пошла к соснам.

Она просто ушла, очень быстро и не оглядываясь.

Егор стоял и смотрел ей вслед, а потом Пчела ещё раз пикнула, и он вспомнил, что надо идти домой.

Вечером бабушка села напротив Егора, когда он пил чай с вареньем. Взглянула на него и положила свой планшет на стол экраном вниз. Фёдор возился у подоконника, поскрипывая колёсами.

— Егор, нам надо подумать вместе, — сказала бабушка. — Если твой индекс упадёт ниже сорока — нам начнут помогать.

Отпила чай.

— Бабуль, я стараюсь.

— Одному подростку и пожилому человеку тяжело держать ферму такого класса. Пришлют рекомендацию. Про автоматизацию, сопровождение, ограничение автономности.

— Мы справляемся.

— Мы справляемся, пока Улей справляется, — согласилась она. — Но системе не всё равно. Она заботится.

— В крайнем случае я могу записаться в армию, и индекс тогда зафиксируют. А через пять лет видно будет.

— Это самый крайний случай, — нахмурилась она. — Ничего там нет хорошего, поверь.

— Бабуль, ну вот кто бы говорил. У тебя на индекс твой ничто не влияет, и Улей тебе отдали, и Гоша вот. Может, я тоже выслужусь и буду как ты.

— Улей мне отдали, потому что мне без него смерть, как и ему без меня. А у тебя будет ИИ у ротного, а вы все рядовые будете у него как пчёлы. А в офицерское училище тебе с таким индексом путь заказан.

Она подвинула к нему планшет экраном вверх, с его профайлом и жёлтой полоской. Он не стал его читать, прекрасно знал, что в нём.

— Ты не ходишь на исповедь, — тихо сказала бабушка. — А это плюс один балл к индексу.

— Я пробовал раз, — сказал Егор. — В капсуле ты как стеклянный, система выворачивает наизнанку. Заботливо так.

— Поговорю с настоятелем, — тихо сказала бабушка. — К нему сходишь, он хоть живой человек, а балл дадут.

— Схожу, — сказал он.

Бабушка взяла кружку. Посмотрела в окно — туда, где в темноте стоял сарай.

— Гоша больше не чудит?

— Загнал под навес. Отключил блок автономных перемещений: Улью, когда он занят пчёлами, не хватает мощности ещё и за мехом следить.

— Да, Улью тяжело считать двенадцать семей, — кивнула бабушка. — Но без опыления у нас не будет урожая.

— Раньше было проще. Пчёлы были живые.

Бабушка ещё раз кивнула и внимательно посмотрела на Егора.

— Что для нас с тобой нормально — у них уже давно не так. Но мы своё будем держать, пока можем.

Он хотел спросить, как им тогда быть, но не спросил.

— Иди спать.

Но он не пошёл спать.

В сарае было тихо. Экран верстака тускло светился, адаптивные манипуляторы замерли в нулевой позиции. Пахло маслом, металлом и чуть-чуть землёй. «Пчела» лежала разобранной на рабочей поверхности.

Улей включил подсветку.

— Диагностика закончена? — спросил Егор.

— Общая готовность — семьдесят четыре процента. Левый пропеллер: ресурс снижен на тридцать процентов. Антенна: геометрия нарушена, компенсировано программно. В боевых условиях использование не рекомендовано.

— Мы не в боевых условиях.

— Принято к сведению. Хотя обстановка, — Улей сделал паузу, которую Егор за два года научился воспринимать как иронию, — говорит об обратном.

Егор достал модуль из коробочки, которую дал ему Лёха. Маленький, плоский, чуть тёплый от кармана. В способности друга собрать что угодно электронное хоть из деревяшек Егор не сомневался.

Взвесил пластинку в руке, Улей терпеливо ждал.

Вздыхнув, Егор вставил модуль в брюшко Пчелы и услышал тихий щелчок.

— Канал нестабилен, — сказал Улей немедленно. — Буфер активен. Тактическая целесообразность операции отрицательная.

— Я не спрашивал про целесообразность.

— Принято. Начинаю протокол фиксации события. Приоритетный получатель — пользователь с наивысшим уровнем доступа. Отправка внешнему контроллеру заблокирована.

Егор поднял голову.

— Подожди —

— Отправлено.

Егор посмотрел на дом из окна сарая. Бабушка, видимо, не проснулась, и до утра не посмотрит. Но её браслет принял сводку про нестабильный канал, буфер и участника Яну, тактическая целесообразность которой отрицательная.

Браслет на его запястье мигнул.

Он посмотрел.

Индекс: 47. Полное прохождение рекомендовано.

Слот: 11:40. Школьный узел. Капсула №3.

Егор смотрел на эти слова ещё несколько секунд.

Потом тихо вздохнул и пошёл спать.

Глава 2. Две очереди

Утром бабушка расспрашивать Егора про вечер не стала.

Просто поставила перед ним тарелку с сырниками, налила чай и спросила:

— Волнуешься, Егор?

— Да, бабуль, есть немного.

— Ты старайся там держаться своих, вместе-то всегда легче.

Егор потянулся за чашкой и не сразу ответил.

— Таня как? Давно к нам не заходила.

— Да вроде нормально.

— Хорошая она девочка, не обижай её.

Говорила она, не глядя на него прямо, — а потом подняла глаза и долго посмотрела поверх очков, в самое лицо.

Егор ел молча. Пару раз порывался всё объяснить, и про Яну, и про то, что система всё равно сама решит, и что он ничего такого не сделал. Потом понял: если начнёт объяснять, станет хуже.

Фёдор стоял у окна и смотрел во двор.

— Гоша стабилен, — сообщил он. — Забор нестабилен.

— Спасибо, — сказал Егор. — Очень помог.

— Рад быть полезным.

— Ты не был.

— Формулировка принята.

Бабушка подвинула к нему пакет со свежим печеньем.

— Ты не опоздаешь?

— Всё, уже выхожу.

— Ну, с богом.

Он кивнул, допил чай, сунул пакет с печеньками в карман куртки и выскочил во двор, спеша к сараю и не оборачиваясь. У окна Мария Петровна смотрела ему вслед, потом коротко перекрестила его.

Егор осмотрел Пчелу — белую с жёлтым, с чуть кривой антенной — и одним ловким движением снял с неё яркую полосатую плёнку. Дрон моментально слился по цвету с поверхностью верстака, и только импеллеры выдавали его присутствие.

— Улей, маскировка?

— Динамический контур запитан. Шкурку выберу позже по цветовой гамме цели.

— Думаешь, в этот раз не заметят?

— Если никто не будет искать специально, с «Пчелой» ничего не случится.

— А если будут?

— Тогда случится. Но у неё будет шанс удрать.

— Отлично. Всё как мы любим.

Егор достал из ящика мягкую тряпку, обернул дрон и положил в рюкзак. Импеллеры сложились, антенна прижалась к корпусу. Он ещё раз проверил, не выпирает ли дрон, потом застегнул молнию и кружным путём пошёл к школе.

Перемахнув через низкий забор, пошёл через густую посадку, где весной всегда собиралась вода. Конечно, промочил ноги, но отсутствие контроля было важнее.

Через пятнадцать минут вышел к краю леса, от которого до задней стороны здания школы было метров сто. У серой сплошной стены без окон заряжались автоматические дроиды-дворники, служебная дверь была закрыта. На крыше густо толклись короба вентиляции и систем охлаждения, а над всем этим торчали четыре серые антенны школьных ретрансляторов.

Егор сел на корточки у старого тополя, открыл рюкзак, надел очки и управляющую перчатку.

— Периметр?

— Все дроны контроля сконцентрированы у главного входа, — сказал Улей. — Облёт периметра осуществляется двумя дронами, с интервалом в шесть минут. Эта сторона для них скучная.

— Скучная нам подходит.

— Если всё же нас обнаружат, скучно быть перестанет. Вероятность этого около двенадцати процентов.

— Спасибо за веру в меня, всего двенадцать процентов.

— Это не вера. Это результат анализа.

Егор достал свёрток с «Пчелой», развернул тряпку и поставил дрон на землю. Корпус поплыл цветowymi пятнами, и белое тельце дрона стало серовато-зелёным. Импеллеры мягко раскрылись.

— Запуск, — сказал он тихо, поправляя очки и крутя головой.

«Пчела» взвилась в воздух. Вчерашнего жужжания уже не было, только мягкое ровное шуршание. Дрон пошёл вдоль ствола тополя, петляя между ветками, и стрелой метнулся к крыше школы. Аккуратно прилип к антенне, импеллеры втянулись в корпус. Через пару секунд стал почти невидимым — серая нашлапка на сером, просто неровное пятно. Если случайно посмотрят, то не заметят, но если станут искать, то могут увидеть.

— Тут она и останется, — тихо сказал Егор. — На весь сезон. Снимать не будем — снимешь, тогда точно заметят.

— Разумно, — согласился Улей. — Пока висит — висит тихо. Каждое снятие и возврат — это риск. Лучше один раз посадить и не трогать.

В очках появилась строка:

Канал нестабилен. Буфер активен. Ретрансляционный слой доступен частично.

Егор задержал дыхание.

— Это нормально?

— Для нас — да.

— А для системы?

— Пока ей это неинтересно.

— А когда станет интересно?

— Около двух миллисекунд в начале загрузки. Когда школьный узел начнёт передавать профили в общий распределительный банк.

— Всего? Тебе столько времени хватит, чтобы нас четверых туда засунуть?

— Корректнее: подать пакет, хватит с запасом.

— А если всё же засунуть, у нас будет больше шансов?

— Нет.

— Тогда пусть будет пакет.

Егор убрал тряпку в рюкзак, застегнул молнию и пошёл к главному входу.

Школа Дубки-3 была очень старой. Длинное серое здание с плоской крышей, мокрые ступени под козырьком входа. Два ВР-купола соединялись со старым зданием прозрачными трубами переходов. Контраст цветного пластика, блестящего металла и мягких обводов с коробкой школы выглядел вызывающе.

В холле было шумно, как никогда — обычно по утрам тут так не толпились.

У автомата питания двое сверстников Егора пытались победить меню. Меню было старше, опытнее и подключено к школьной сети контроля питания. Девочки из параллельного класса держались кучкой, хихикали и делали вид, что они нисколько не волнуются. Группа ребят рядом с ними обсуждала, правда ли десять лучших получают годовой премиаль-

ный доступ, и в какие именно игровые вселенные. Кто-то сказал, что это рекламная наживка, и спор разгорелся с новой силой.

Ребята первого потока пытались выглядеть спокойными, но у большинства получалось так себе. У стены трое из них читали рекомендации школы, один просто листал страницу вверх-вниз, не меняя выражения лица. Егор понял, что тот не читает, а просто пытается занять руки.

Он приложил свой браслет к ближайшему терминалу, тот в ответ мигнул жёлтым, потом зелёным.

Участник подтверждён. Сезон «Семь лампад: Рубеж».

Лёха стоял спиной к колонне, одна рука в кармане, а во второй держал большое зелёное яблоко. Вид у него был такой, словно он уже успел с утра посориться с половиной школы и готов ко второй половине.

— Как наши дела? — спросил он тихо. — Всех нас получилось внести?

— Да. Буфер активен, — ответил Егор так же тихо. — Но пока не войдём, не поймём.

— То есть всё как мы любим — сделали гадость и ждём, заметит ли система.

— Вон на экзамене же проскочили.

— Пусть в этот раз тоже прокатит. Я люблю стабильность.

Они стояли у колонны, глядя на очередь. Лёха доел яблоко и бросил огрызок в утилизатор. Не попал. Тот мигнул, подумал секунду и посеменил подбирать. Сегодня у утилизатора работы было больше обычного.

— Слушай, а если сработает — нас всех точно поставит вместе?

— Если сработает, то да. Если не сработает, то нет.

— Поодиночке, да в группе с лагерными всем нам будет кисло. Особенно Тане.

Вскоре подошла Таня. Тихая, в куртке, которая была ей чуть велика, с подвёрнутыми рукавами. Она посмотрела на Егора, потом отвела глаза.

— Тебе третью капсулу дали, я увидела в расписании.

— Сам просил, — сказал Егор. — Через Саныча.

Таня посмотрела на него непонимающе.

— Сам? В ней же Тёма тогда проходил. — Она запнулась. — Вышел и стал... не таким. Об этом вся школа говорит. У меня девяносто шестая, давай поменяемся.

— Не из-за капсулы он стал не таким, — сказал Егор мягко. — Капсула просто старая. С Тёмой другое случилось, не в железе дело. А мне нужна именно эта.

— Почему именно эта?

Егор не ответил. Объяснять про Пчелу, про модуль, про то, что из других капсул нужный канал не достать, было нельзя — особенно здесь. Он просто промолчал, и Таня по его молчанию поняла, что причина есть, а сказать он её не может.

Она глубоко вздохнула, посмотрела Егору в глаза и сказала:

— Тогда хотя бы пообещай мне — если внутри станет не так, не пытайся разобраться. Просто выходи.

Егор посмотрел на неё.

— Почему ты так за меня переживаешь?

— Не знаю, — сказала Таня, слегка покраснела. — Просто волнуюсь.

Толпа стала гуще, и вскоре в холле было уже не протолкнуться.

— Жаль на эту ерунду время терять, — хмуро сказал Лёха. — Каникулы только начались, и вот тебе такое.

— Недельку реального времени потратим, зато потом всё лето наше, — ответил Егор, пытаясь скрыться за колонной от толкающегося потока учеников.

Саныч появился из левого туннеля — невысокий, в серой жилетке с карманами и с планшетом под мышкой. Встал у терминала и поднял руку. Очередь затихла.

— Подходим по одному, не толкаемся, успеете все — и без вас не начнут. Браслеты прикладываем к стойке. Капсулы ваши школьные — так что ничего для вас нового нет. Рубеж вам не знаком — поэтому слотами не меняемся, настройки не трогаем, привычные фокусы с учебных занятий не демонстрируем.

Кто-то хихикнул.

Он провёл взглядом по очереди.

— После выхода из капсул не разбегаемся. Проходите через медицинский блок, это дело трёх минут, кто не пройдёт — всё равно школа не выпустит. Если в ушах звенит, тошнит, пропадает звук, немеют пальцы — говорите сразу и проходите в медпункт вне очереди. «Само пройдёт» оставьте для синяков.

На инфостене всплыл логотип сезона: семь маленьких бледных лампад, под ним возникло и замигало сообщение:

Пожалуйста, наденьте ваши очки и переведите в режим приёма.

Вокруг раздался шорох, шёпот и множество тихих сигналов подключения.

Надев очки, Егор подтвердил подключение, и перед глазами возник огромный белый зал чужого лагеря.

Там всё было по-другому, не так, как у них в школе. Новые капсулы заливал мягкий свет, сквозь прозрачный купол было видно небо. Никто не толкался и не суеился, все улыбались и, похоже, никто не волновался. Почти все ребята были без очков дополненной реальности, видимо, использовали дорогие контактные линзы.

Куратор поднял руку и заговорил.

— Доброе утро. Сегодня мы открываем наш сезон «Семь лампад: Рубеж». Как подростки вы входите в среду полного погружения через капсулы и ваши браслеты. При достижении совершеннолетия всем из вас будет установлен взрослый нейроинтерфейс.

Важная задача Летних сезонов заключается в определении ваших социально-экономических и психофизических характеристик. Проще говоря, система заботливо определяет наиболее комфортный для вас жизненный путь.

Лёха наклонился к Егору.

— Будут смотреть, как мы дёргаемся, чтобы решить, как нас потом удобнее дёргать.

Куратор взмахнул рукой, и трансляция лагеря сменилась изображением группы радостно улыбающихся подростков.

— При распределении система заботливо и тщательно собирает группы из пяти человек. Участники с пониженной адаптационной устойчивостью будут распределены в группы совместно с игроками, имеющими высокий управленческий профиль. Это ни в коем случае не наказание, а поддержка и забота о вас. Повышение социального рейтинга участников — это наша совместная цель!

На экране появилась строка:

Система распределяет участников так, чтобы суммарный рейтинг каждой группы был одинаковым.

В холле стало тише.

— Интересно, сколько их в лагере? — спросил кто-то сбоку. — И какой у них средний рейтинг?

Лёха тихо прокомментировал:

— Лагерь стал гораздо больше, чем в прошлом году. И рейтинг наверняка у них больше, чем у нас. В прислуге окажемся.

Саньч тихонько сказал:

— Прислуга — это устаревшее слово. Правильно говорить «интеграция». Привыкайте к взрослой жизни, ребятки.

Куратор на экране продолжал.

— Конечно, все вы ознакомились с правилами заранее. Но хочу вам напомнить главное — только совместное групповое взаимодействие ценится системой и ведёт к успеху. Помогайте друг другу, помните, что голод и жажда будут ощущаться вами в полном объёме, уменьшая вашу выносливость и замедляя вас. Боль вы тоже будете чувствовать, хотя и ограниченно по интенсивности. Агрессия игроков друг против друга запрещена и наказывается, хотя вы и так не сможете нанести физический урон.

— Желаю вам успехов и радости! — улыбнулся куратор. — Пожалуйста, давайте начнём наш сезон.

На экране перед глазами вид зала плавно сменился рекламой новых VR-миров. Егор снял очки, выключил их и убрал в нагрудный карман. Потом он снова посмотрел на браслет, но там по-прежнему висела серая иконка, видимо, распределение начнётся, когда они будут входить.

В этот момент раздался сигнал, и очередь медленно двинулась в купола, где кругами расположились одинаковые серые капсулы. Третья стояла во внешнем круге, прямо рядом со входом. Крышка чуть темнее остальных, уплотнитель по краю потёрт, панель управления с царапиной наискосок. Номер на крышке был чуть затёрт.

Егор остановился рядом с ней, Лёха коротко кивнул ему и свернул в правый проход, а Таня задержалась.

— Пожалуйста, не забудь, что я тебе сказала.

— Танюша, я помню. Просто выйду, если что. Обещаю.

— Вот и хорошо.

Подошёл с планшетом Саныч и знаком показал на капсулу. Егор приложил браслет к терминалу, тот пискнул жёлтым, и на панели замигало сообщение:

Внимание! Состояние оборудования требует подтверждения ответственного техника.

— Спасибо, родной, я в курсе, — сказал Саныч, вводя что-то на планшете. — Работоспособно, с ограничениями.

Подтверждение принято.

Егор провёл пальцем по холодному пластику капсулы. Возле правого фиксатора тянулась маленькая царапина.

Саныч уткнулся в планшет и негромко сказал Егору:

— Если вдруг зрение поплывёт — сразу выходи. Звук там просядет или запах почувствуешь нехарактерный — тоже сразу на выход. На поиск причины время не теряй. Имей в виду, что лучше выходить самому. Если серьёзный сбой, достать тебя будет можно, но твои шансы превратиться в овощ — около шестидесяти процентов.

— А если мне просто покажется?

— Особенно если покажется. Выходишь и только потом крестишься.

— Сан Саныч, — сказал он тихо. — А если там правда что-то...

— Выходишь.

— А если я не успею?

Саныч посмотрел на него сочувственно.

— Успеешь, если не будешь ворон считать.

Лёха подошёл сзади и хлопнул его по плечу — сильно, как всегда.

— Если найдёшь кнопку «стать нормальным», не жми.

— Нормальным быть очень скучно, так что не волнуйся.

Егор думал о Пчеле, которая теперь сидела на крыше весь сезон. Если посмотрят случайно, не увидят. Если посмотрят специально — увидят. И ещё Егор не был уверен, успела ли Пчела подловить нужный момент и запихнуть связанную группу в общий распределительный слой.

Внутри капсулы пахло пластиком и дезинфекцией, потом крышка закрылась с тихим щелчком. Подсветка в капсуле стала мягко тускнеть. Голоса снаружи слились в тихий гул, потом и гул пропал.

А потом и запах ушёл.

Глава 3. Высадка

Первым пришёл звук.

Егор почувствовал его затылком раньше, чем услышал, — будто звук догонял сзади и никак не мог догнать. Потом догнал: шум листьев, и вдалеке тихий шум горной реки.

Он лежал на спине, на холодной влажной земле. По небу плыли белые облака, неотличимые от настоящих. Пахло сыростью, мхом и чем-то металлическим — тоже почти как настоящим, только это «почти» и было неправильным. Тело было вялое, чужое, как после долгого сна в неудобной позе. Сел он с трудом, потом посмотрел на свою левую ладонь. Тонкая и тёмная щепка вошла под кожу у основания большого пальца. Егор смотрел на неё спокойно, потому что боли он пока не чувствовал. Он машинально сжал пальцы. Пальцы послушались, и тут боль наконец стрельнула в руку. Значит, Куратор про Рубеж не соврал.

Местность вокруг — знакомая, но странно чужая. Но гору, которую он в детстве облазил всю, Егор узнал сразу, и от этого стало тревожно: место его, а правила тут не его.

Справа, в трёх метрах, сидел Лёха — тряс головой и тёр лицо ладонями. Яна уже стояла, держала карту в левой руке и оглядывалась коротко, по-деловому, то в одну сторону, то в другую; браслет на запястье мигнул и погас. Таня сидела на корточках и гладила траву ладонью, как котёнка.

— Ты живой? — спросил Лёха. — Вроде бы да. Только со звуком что-то странное. — А у меня ощущение, что меня неправильно собрали.

Чуть поодаль стоял высокий парень — в такой же, как у всех, одежде — и рассматривал их, изредка вскидывая взгляд поверх голов, будто сверялся с чем-то, чего остальные не видели.

— Как видите, меня зовут Семён Максимов, — сказал он и показал пальцем над своей головой. — Я лидер нашей группы. Для меня это, кстати, тоже новость.

Лёха наконец встал, осмотрелся — мимо Семёна, словно того и не было. Кивнул Тане. Оценивающе оглядел уткнувшуюся в карту Яну. Потом почесал затылок привычным жестом и подмигнул Егору, глядя прямо в глаза. Егор отвёл взгляд первым — не выдержал, и сам на себя за это рассердился. Лёха ухмыльнулся и повернулся к Семёну.

В воздухе перед всеми повисла полупрозрачная строка:

Сезон «Семь лампад». Фаза 1. Выбор сектора.

— Рейтинг нашей группы сейчас пятьдесят шесть, — сказал Семён, мягким жестом приглашая подойти ближе. — Это на грани. Если он упадёт ниже пятидесяти, то мы потеряем доступ в город. Так что поднимаем его с первого дня. Мы все здесь ради этого.

Рукой он показал вниз — на заросшую низкой травой поляну, по которой неспешно расхаживали пятеро, осматриваясь и переговариваясь. Развернул перед собой карту: та странно легла горизонтально, в воздухе, как на столе. Жестом позвал смотреть. Егор глянул — и увидел знакомую с детства местность, засыпанную россыпью серых треугольников.

— Вон там одно из лучших мест для нас, — Семён ткнул пальцем в карту. — Нам надо встать маркером там первыми. Но, как видите, полянка уже кому-то приглянулась. Остальные места или далеко, или хуже. Значит, собираем материал — и делаем это быстрее соперников.

Распределял он быстро и чётко, не оставляя пауз на сомнения.

— Алексей, мы с тобой собираем палки здесь, потом сразу бежим к поляне, я ставлю маркер. Девочки — держитесь рядом, собирайте траву, сколько сможете, держитесь в пределах прямой видимости. Егор, за тобой камни. Их нужно немного, но рядом я их не вижу.

— За девчонками присматривать? — Егор не понял. — Нападения же запрещены.

Семён посмотрел на него без выражения.

— Запрещены. Но здесь есть дикие животные. Главное — не влезть в их радиус агрессии.

И, не дожидаясь ответа, пошёл к ближайшим кустам. Лёха не стал спорить и двинул за ним следом.

Егор остался стоять, растерянно озираясь.

— Подумай, где тут камни. Ты же местный, — без улыбки подсказала Яна. — Поспеш.

Местный. Слева внизу, он вспомнил, был ручей с запрудой — там они с Лёхой обычно купались. Идти недалеко. Вскоре он услышал плеск воды по камням и пошёл на звук. Звук всё ещё приходил с задержкой, отставал на полшага от того, что видели глаза, — но к этому Егор уже как-то прилачился.

Ручей оказался ровно там, где ему и положено. По берегам блестели боками плоские серые камни с белыми прожилками. Присев на берегу, Егор принялся зачерпывать ладонями воду и пить. Вкус и прохлада воды были полностью как настоящие, и она освежала.

Напившись, Егор огляделся и понял, что камней вокруг должно хватить на целый замок, а не только на какой-то там маркер. Сколько их на самом деле нужно — Егор не знал; «немного» Семёна ничего ему не говорило, и он решил набрать столько, сколько унесёт.

Мелкими набил карманы — влезло неожиданно много, а оттопырились только чуть. Сверху набрал в охапку тех, что покрупнее. И вот тут понял свою ошибку: большие камни были тяжёлые, сырые, с илистым боком, и всё норовили выскользнуть из рук. Пришлось идти медленно, прижимая их к груди, и каждый шаг отдавался в плечах.

Краем глаза наверху, у кромки обрыва, Егор увидел движение.

На него в упор смотрел незнакомый лопоухий парень. Из той, второй группы. Поймал взгляд Егора, ухмыльнулся — и сыпанул вверх по склону, к поляне, быстро и легко, как Егор сейчас точно бы не смог. Егор прибавил, насколько вышло с грузом, и на ходу прикидывал: бросить большие? И сколько их на самом деле для маркера надо? Получалось, что не знает, и от незнания тащил всё.

На поляне уже стояли две пирамиды, по пояс Егору, одна недалеко от другой. Первая мерцала пульсирующим зелёным, вторая была полупрозрачная, будто из стекла. Вокруг зелёной по траве шло едва различимое световое кольцо — метров двадцать в поперечнике.

У этой зелёной Яна и Таня рвали траву обеими руками, в полную силу. Соперников рядом видно не было — только один здоровяк рвал траву поодаль и то и дело косился на девушек. Егор пошёл к зелёной, всё ещё думая, правильно ли он нагрузился так сильно и из-за этого тащится так медленно. Выходило, что так, что так.

И тут девчонки, быстро переглянувшись, рванули к маркеру. Здоровяк встрепенулся, раскинул руки, встал перед Таней, перекрыв ей путь. Яна спокойно оббежала сбоку, вывалила траву в пирамидку, вернулась к Тане. Здоровяк хмуро посмотрел на девушек, плюнул и побежал туда, откуда Егор пришёл.

Семёна и Лёхи нигде не было.

Егор торопливо выгрузил камни — сперва из охапки, потом из карманов. Выглядело это странно: камни словно исчезали из ладоней, а пирамидка от каждого чуть уплотнялась, теряла прозрачность, и над ней то возникали, то гасли три вертикальных столбика — зелёный, коричневый, чёрный. Зелёный и коричневый были заполнены уже на две трети. Чёрный — меньше половины.

Он побежал обратно к ручью. У воды никого не было, Егор набрал вторую партию и побрёл наверх. Вернулся как раз, когда Семён с Лёхой слаженно загружали в пирамиду жерди: длинные, втрое выше самой пирамидки, они уходили в неё без всякого спора с геометрией. Семён обвёл площадку быстрым взглядом и задержался на чужом маркере.

— Девочки, сколько раз они приходили с деревом?

— Один собирал траву, остальные возвращались дважды, — выпалила Таня. — Сейчас все вместе ушли вниз по склону.

— Значит, за камнями пошли в первый раз. — Семён нахмурился. — Алексей, помоги Егору. Девочки, заканчивайте с травой и ко мне, собирать дерево. Втроём одной ходки хватит.

Лёха с Егором побежали к ручью. Егор стал отставать почти сразу.

— Ты чего так медленно? — обернулся Лёха. — Ты ж как заяц бегаешь, вечно меня делал.

— Капсула, похоже. Звук глючит, и сам как в киселе.

— Гребь руками, — посоветовал Лёха и припустил вниз. — Догоняй!

Егор попробовал — помогая себе руками, по-дурацки, — и, как ни странно, чуть отпустило, пошло легче.

Лёху он встретил, ещё не добежав до ручья, — тот возвращался, пытаясь, с двумя большими камнями под мышками, и двигался немногим быстрее Егора.

— Все пятеро уже там пасутся, — бросил Лёха на бегу. — Эх, твоего бы Гошу сюда.

У ручья соперники показывали, что такое сработанная команда. Здоровяк стоял, сцепив руки замком, а остальные грузили на него камни — вдвое крупнее тех, что мог унести Егор. Загрузили, и он бодро затопал наверх; следом, каждый с грузом, потянулись остальные. Егор смотрел на это, и было нехорошо: они работали как один человек, а он, местный, тащил по горсти и опаздывал.

Быстро набил карманы мелкими, прихватил один большой и пошёл вверх как мог. Спины соперников удалялись медленно, но удалялись.

На поляне четверо соперников торопливо рвали траву вокруг своей пирамиды. По их лицам, по тому, как они дёргались, было видно — не успевают. Лёха стоял лицом к склону, сгружал камни в маркер; от леса с охапками палок спешили Семён и девочки. Скоро уже все четверо всю кормили пирамидку.

Лёха увидел Егора, расплылся в улыбке — и вдруг изменился в лице. Кажется, он что-то кричал: рот открывался, но звук до Егора не дошёл.

И тут закричали все:

— Сзади!

Егор начал оборачиваться — на полмгновения позже, чем надо. Сзади на него несли тот самый лопухий. Смотрел чуть в сторону, мимо Егора, будто торопился к своим и просто выбирал путь покороче. Но шёл он точно на столкновение.

Лопухий влетел сбоку — плечом, ладонью толкнул между лопаток, словно сам поскользнулся на мокрой траве. Аккуратно влетел. Так, чтоб не придраться.

Земля прыгнула Егору навстречу. Камень выскочил из рук, покатился вперёд; ладони вошли в траву, нос — в грязь. Пахло мокрым и прелым, как осенью.

Соперник чуть притормозил, подхватил его камень и пробежал дальше, к своим. Бросил в маркер, рухнул на колени, стал рвать траву.

Егор лежал секунду дольше, чем нужно было, чтобы встать. Не от удара — удар был несильный. Оттого, что лежишь носом в землю, на глазах у своих, и понимаешь: это не случайность. Это сделали нарочно — и сделали так чисто, что не докажешь. Сейчас, подумал он, поднимаясь, на браслет придёт сигнал: нападение, нарушение, лопухого накажут. Система же видит всё.

Браслет молчал.

Егор встал, отёр ладони о штаны и побежал к своим — на молчащий браслет уже не смотря. Он понял: подлость, сделанная вот так, вскользь, будто нечаянно, для системы просто не случилась. Её не было. И накажут не того, кто толкнул, а того, кто потерпевший.

Он добежал, встал со всеми, вывалил камни — лишь бы хватило. Над маркером, рядом с полным зелёным, мигнул и заполнился коричневым. Последний камень исчез из ладони. Чёрный столбик подрос на палец — и замер, всё ещё прозрачный.

Все молчали. Семён обернулся к чужой пирамиде.

И тут чужой маркер вспыхнул радугой — призрачные грани на миг загорелись ярче, потом уплотнились. Кольцо на траве мигнуло и загорелось зелёным, тонким и сплошным.

Они стояли внутри чужого круга.

Полсекунды их пирамида ещё держалась — серая, плотная, почти готовая. Потом её повело. Грани стали расходиться, таять, как кубик сахара под горячей водой. С лёгким шорохом маркер исчез.

Камни, трава и деревяшки остались лежать аккуратной кучкой — на том месте, где только что стояла пирамидка. Егор потянулся к камню, выкатившемуся с краю. Рука прошла сквозь него, как сквозь туман.

Сектор вам не принадлежит. Изъятие ресурсов запрещено.

Семён молча повернулся и пошёл прочь из чужого сектора, вниз, к ручью. Все, не сговариваясь, двинулись за ним. Вслед неслись смешки и пожелания, одно другого приветливее. Никто не ответил.

Таня шла рядом с Егором — тоже молча. Потом наклонилась, подняла с тропинки маленький серый камешек с белой прожилкой, рассмотрела и вложила Егору в руку. Он взял. Может, как раз такого камешка ему и не хватило, чтобы добить чёрный столбик. А может, и нет. Но она положила — и стало, несмотря на то что случилось, чуть теплее.

Лёха сказал в спину уходящему вперёд Семёну:

— Это капсула, Сем. У Егора третья, она глючит. Он сделал, что мог.

Семён не ответил. Остановился, развернул в воздухе карту. Карта сильно переменилась: на месте серых треугольников теперь сидела россыпь чужих кружков. Свободной осталась только гора — коричневое пятно на треть карты сверху, с тонкой пунктирной линией к серой отметке у самой вершины.

Лёха посмотрел на карту, потом на Семёна.

— А у нас такая есть?

— Есть, — не отрываясь, ответил Семён. — Потом объясню и покажу, как пользоваться.

Он смотрел в карту. И вдруг рука его сама собой пошла к боку — туда, где в реальности у всех висит планшет. Пальцы нащупали пустоту. Семён вздрогнул, резко опустил руку.

— Чёрт, — сказал он тихо, себе под нос.

Потом собрался, обвёл всех взглядом и остановился на Егоре.

— Егор, ты не успеаешь. Твои ошибки стоят группе дорого.

Прозвучало как констатация факта, а не как упрёк. От этого вышло хуже, чем от упрёка: упрёк можно оспорить, а факт — нет. Семён развернулся и пошёл к горе. Лёха и Яна двинулись следом, скорым шагом. Таня задержалась на секунду, глянула на Егора и тепло улыбнулась.

Егор постоял, сжимая её камешек. Вроде ненужный. Но тёплый.

Сунул его в карман и пошёл за всеми.

Глава 4. Путь на гору

Тропа от поляны уходила к горе на севере, через луга.

Шли молча, налёгке: забирать было нечего — всё их добро осталось лежать аккуратной кучкой в чужом секторе. Егор шёл третьим, между Лёхой и Яной, и поначалу не находил места рукам. В Дубках у него всегда что-нибудь было — «Пчела», ящик с инструментом, корзина; здесь руки болтались пустыми, и казалось, что он идёт и бездельничает, пока другие при деле. Под ложечкой посасывало. С утра никто не ел, и Рубеж, как и обещал Куратор, считал голод честно: не острый ещё, но уже постоянный, как тихий гул, который не выключить.

Луга вокруг были такие, каких Егор в жизни не видел.

Цветы стояли выше колена, так густо, что ногу некуда поставить, не задев двух-трёх. Жёлтые с угольной серединой, синие с белой каёмкой, розовая мелочь рассыпана пятнами. Цвет был плотный, ненастоящей насыщенности. Между цветами летали пчёлы — с медленным басовитым гулом, который Егор не сразу распознал. На ферме семьи гудели по-другому, но там пчёлы были искусственные, и облёт им считал Улей. Эти летали как хотели, живые, и от их гула казалось, что вокруг кто-то большой, тёплый и живой.

Птицы в небе кричали, будто ругались. Одна спикировала над тропой, выхватила что-то в траве у самой Егоровой ноги и ушла вверх; он только и услышал короткий шорох да почувствовал через куртку толчок воздуха. Повезло ей, мелькнуло у Егора. Хоть кому-то тут есть что схватить. У норки столбиками стояли суслики и провожали группу глазами, не убегая.

Никто не разговаривал. Шли медленно, все, кроме Семёна, вертели головами.

Лёха один раз сказал Егору в спину:

— Красиво тут. Узнаёшь место?

Егор узнавал. В том-то и было дело. Это были верхние луга агрокомплекса — он бывал тут несколько раз, по-настоящему, ногами. Только в реале там везде стекло, теплицы, трубы капельного полива, а тут — густая трава под солнцем и живые пчёлы. Место-то, да не то. Он повёл взглядом по лугу и поймал себя на том, что ищет глазами знакомое: вон там, должна быть водокачка; вон та ложбинка ведёт к ручью.

— Верхние луга, — сказал он Лёхе. — Я тут был. В реале. Только там всё в стекле, а тут свободно и живое.

Сказал и удивился, до чего же это знание здесь может пригодиться, даже и без карты.

Яна на ходу нет-нет да и доставала карту — коротким, привычным движением кисти, гасила её и снова смотрела под ноги. Егор попробовал повторить жест, шёпотом приказать, как приказывал Улю, но не выходило. Он решил, что спросит Яну про жест позже, а пока шёл и сверял: тут память говорила «направо», и Яна, не глядя на него, через десяток шагов поворачивала направо.

* * *

На дальнем краю луга, у кромки леса, Егор заметил странные неподвижные пятна — бурые, светлые, серые. Издали сначала показалось, что это камни или пни. Потом одно пятно подняло голову на длинной шее, и Егор прибавил шаг.

Лошади.

Вскоре они подошли достаточно близко, чтобы Егор смог хорошо разглядеть животных. Живых лошадей он видел только в учебных роликах по программе «редкие виды». В их округе не было ни одной. А тут паслось — он начал считать и бросил — много, может, тридцать. Они ходили медленно, отмахивались хвостами от мух и головы не поднимали, даже когда группа подошла ближе.

Лёха похлопал его по плечу:

— А вот бы было здорово на них покататься, как мушкетеры.

Через пять шагов Егор оглянулся.

Лошади смотрели на него. Не одна — сразу несколько. Потом ещё подняли головы, и ещё, и Егор понял, что это идёт волной: от ближней к нему дальше и дальше, будто между ними по воздуху передавали что-то. Скоро все головы были повёрнуты к нему.

Одна — большая, гнедая, со светлой звездой на лбу — отделилась от табуна. Не пошла к нему. Сделала один шаг и встала.

Егор стоял с пустыми руками и смотрел на неё, и она на него. И было чёткое, без слов, чувство: его тут заметили. Не группу, не «участников» — его. Что-то живое выделило его из всех и шагнуло навстречу, само не зная зачем, как и он не знал, что должен сделать в ответ. Он не пошёл к ней. Просто стоял, и между ним и гнедой висело это — узнавание, которому не было ни причины, ни продолжения.

— Егор! — крикнул Семён далеко спереди.

Он повернулся и пошёл за группой. Но звезду на лбу унёс с собой, и весь день она нет-нет да вставала перед глазами — то, как табун повернулся к нему один за другим, и как одна шагнула.

Через минуту они прошли мимо оленей — те паслись справа, в полусотне метров, и голов не подняли. На оленей никто не обратил внимания. Никто и слова не сказал.

* * *

После лугов начался лес — дубы с кронами как шары, подлесок из лещины. Тропа нырнула под деревья, и сразу стало прохладней: ветер отсекло стволами, пахло густо и сладко. От запаха пустой желудок свело сильнее.

Семён остановился, обернулся.

— Здесь давайте соберём материал. На вершине мы будем ставить второй маркер. До темноты надо понять, где вода и где ночевать.

Он показал на горку валежника метрах в двадцати справа — сухие дубовые ветки, нанесённые ветром за зиму.

— Возьмите, сколько сможете унести. Подлиннее, метра по два с половиной, но тонкие. Толстые не дотащим.

Сухие палки гнулись под ногой, но не ломались. Егор взял подлиннее — в ладонь отдалась короткая упругая дрожь крепкого сухого дерева. Лёха рядом мучил ветку потолще, ломал на колене, упёршись ногой. Таня с Яной собирали тонкие.

Через пять минут все стояли с охапками валежника.

— Долго так не унесём, — сказал Лёха, подняв охапку повыше. — Я этими штуками за всё цепляюсь. — Повертел палки, нахмурился, будто что-то вспомнил. — А давайте мы носилки сделаем.

Семён посмотрел на него без интереса.

— Сделаем? Как ты это представляешь?

— Палки есть, куртки есть. Просунем палки в рукава, низ свяжем шнуром, а сверху кладём остальное. Понесём вдвоём.

Семён пожал плечом.

— Пробуй.

Лёха сбросил палки, снял свою куртку и взял Егорову, продел жерди в рукава. Присел, начал связывать подолы — медленно, аккуратно: в реале Лёха вязал узлы с детства и знал их десятки. Узлы вышли ладные; он дёрнул пару раз — держались.

Подняли вдвоём. Жерди пошли вверх — и в ту же секунду рукава соскользнули с них, просто сошли, будто просочились. Куртки шлёпнулись на землю кучками. Шнуровка валялась отдельно, узлов больше не было.

Лёха поднял куртку, повертел. Рукав был цел, не порвался и не растянулся. Он снова вставил жердь, поднял на уровень пояса. Через секунду куртка лежала на земле, а рукава сложились крестом и как будто издевались.

— Не держится, — сказал Егор. — Колдунство какое-то.

— Будто насквозь проходит, — пробормотал Лёха, разглядывая рукав.

Выпрямился, подержал куртку перед собой, глянул на небо, потом на Семёна.

— Я так понимаю, носилки нам должна выдать система?

Семён помолчал.

— В каталоге всё есть, — сказал он. — Только у бомжей каталогов не бывает.

Подняли палки — каждый свою охапку. Егор запихнул пять штук под мышку; и они кололись сучками, приходилось перехватывать.

* * *

Дубрава кончилась у скального уступа.

Тропа полезла вверх и стала сужаться — сперва до полутора метров, потом до метра, а за этим метром слева уже не было ничего, кроме воздуха и серой стены вниз. Егор глянул: далеко внизу — россыпь камней и тонкое озеро, в нём белыми клочьями отражались облака, будто кто-то накидал по воде ваты. Высоты он не боялся, но и привычки к ней не имел.

И тут он узнал это место — и узнавание было нехорошее.

— Сейчас сузится, — сказал он негромко, прежде чем Семён обернулся. — И справа осыпь, камни живые, под ногой едут. Тут осторожно. Я по этой тропе лазил, она и в реале сыпучая и стрёмная.

Семён обернулся, посмотрел на него — секунду, как будто оценивал. Кивнул.

— Все внимательно. Идём аккуратно, не торопимся.

Он шагнул первым, за ним Лёха, дальше Егор, потом Яна, замыкала Таня. Семён сделал три шага, остановился, посмотрел не на Таню, а над её головой, в воздух, как смотрел утром, когда что-то рассчитывал. Потом прошёл назад мимо Лёхи, Егора, Яны и встал перед Таней.

— Пойду рядом с тобой.

Таня кивнула. Перестроились: Семён, за ним Таня, дальше Яна, потом Егор, замыкал Лёха.

Таня шла медленно. Лица её Егору видно не было, но было слышно, как она дышит — короткими быстрыми вдохами, без выдоха, будто забывает выдыхать. Через десять шагов остановилась, прижалась плечом к скале, замерла. Семён обернулся, но Яна уже протиснулась мимо Егора, мимо Семёна, ловкая, лёгкая, и встала перед Таней лицом к ней, спиной к обрыву. Егор глянул на её ноги — задники кед в трёх сантиметрах от края.

— Дыши носом, медленно, — сказала Яна.

Таня рывками тянула воздух.

— Вниз не смотри. На скалу смотри, вот сюда, на трещину — видишь?

— Вижу.

— Вот на неё и смотри. Идёшь — смотришь на трещину.

Таня стала смотреть. Через минуту её дыхание выровнялось, она кивнула, и они пошли: Яна спиной вперёд, рука на Танином плече, Таня глазами в трещину. Семён шёл первым и не оборачивался.

Егор смотрел на Яну и думал: откуда она это умеет. Так могут только те, кто сам когда-то стоял вот так, прижавшись к скале, зажмурившись от страха. Лёха сзади тихо сказал так, что только Егор расслышал.

— Это прямо Сара Коннор какая-то.

Прошли две трети. Самое узкое осталось позади; впереди зеленел куст, за которым тропа расширялась в площадку, и до неё было шагов двенадцать. Таня сказала тихо, не поворачивая головы:

— Я дальше, наверное, уже могу сама.

И в этот же миг камень под её правой ногой сдвинулся — небольшой, с ладонь, лежавший у самого края обломок, будто только и ждал, пока на него наступят. Егор увидел сперва камень — как белым мелькнул скол под подошвой, — потом её ногу, поехавшую не вниз и не вперёд, а вбок, к обрыву. Таня прогнулась назад и наклонилась туда же, в одно длинное замедленное движение, и Егор остолбенел: он не успевал, между ним и Таней была Яна, и ничего сделать он не мог.

Яна прыгнула.

Не потянувшись рукой, как тянулся Семён с десяти шагов, — прыгнула, без разбега, маленькая, лёгкая, поймала Таню одной рукой за плечо, другой за косу и рванула на себя так, что обе упали к скале и проехали немного вниз по тропе. Таня села спиной к стене. Яна легла на живот, щекой к земле, раскинув руки, шаря пальцами, за что зацепиться. Ноги её свисали с края.

Успел ли Егор сам шевельнуться или просто стоял — он потом не смог вспомнить.

Семён уже был там — пробежал по узкой тропе, как по дороге, упал на колено, поймал Яну за запястье и выдернул на тропу. Успел.

Таня дышала часто, но не плакала, а смотрела на свои ладони. Семён молча присел рядом, на секунду оглянулся на Яну, коротко кивнул. Поднял сначала Таню, потом Яну. Егор отметил про себя: Яне он помог после Тани, не первой, хотя та только что прыгнула к обрыву. Может, в голове у Семёна стоял какой-то свой порядок.

— Поднимаемся, — сказал Семён. — Мы пришли.

У куста все устало сели на камень, побросав материалы рядом. Танины плечи ещё мелко тряслись, она обхватила себя руками, будто грелась. Семён обвёл всех взглядом.

— Мы не модели, мы живые. Мы должны пройти этот сезон, и мы не дадим друг другу умереть.

Семён сказал это как очередное правило, без эмоций и нажима.

* * *

Пить после страха и подъёма хотелось очень сильно. Во рту пересохло так, что язык цеплялся за зубы. Егор прислушался: не журчит ли где вода, не капает ли со скалы. Но воды на площадке не было. Только сухая трава, камень и ветер. Лёха остановился у тёмного пятна под скалой, присел и провёл по нему пальцами.

— Мокро?

— Нет, просто тёмная глина, — сказал он и вытер руку о штаны. — Сухая.

Семён обошёл всю площадку, заглянул за край в пропасть и встал в центре.

— Маркер поставлю тут.

Принесённые палки сложили в кучу, рядом насыпали горкой немного камней, собранных тут же на площадке. Трава тут росла, но редкими чахлыми кустиками.

Призрачная почти прозрачная пирамида встала в центре едва видимым силуэтом без массы, как чертёж, который наметили в воздухе легкими штрихами.

Семён положил в неё пару камней и повернулся к группе.

— Ресурса на маркер нам не хватит, — сказал он. — Пусть пока так постоит.

В этот же миг на его браслете мигнуло, Семён внимательно прочёл и вздохнул.

— Ночуем под этим козырьком, — сказал он через секунду. — Утром решу, что делать.

Лёха хмыкнул, но ничего не сказал.

* * *

Козырёк нависал над плитой длинным языком, и от ветра почти не защищал. Камень был холодным и твёрдым, и через час Егор сильно замёрз, несмотря на тёплую куртку. Голод и холод совместно сделали тело чужим и медленным.

Сели, плотно прижавшись друг к другу боками. Лёха попытался было травить анекдоты, но никто не смеялся, и он умолк.

Вскоре совсем стемнело и внизу в долине загорелись огни.

Сперва появился первый белый огонёк, где-то у реки, не похожий на костёр. Потом разом зажглись ещё несколько. Через минуту их было около десятка, и по ближайшим стало понятно, что это купола — круглые, светящиеся изнутри. Над ближним к ним ветряк медленно крутил лопастями.

— У них уже свет есть, — сказал Лёха. — А мы тут грибы изображаем.

Семён повернулся к нему и кивнул.

— Это стартовый инженерный комплект. Ветряк, генератор, гидропоника, базовые постройки. Система это даёт за установленный в первой фазе маркер. Они поставили, мы не смогли.

— И что нам теперь делать? — спросил Лёха. — Есть план?

Семён не ответил.

В темноте Егор почувствовал плечом, как Семён, сидевший рядом, потянулся было рукой к поясу, где в реальности висел планшет, но вздрогнул и опустил ладонь на плиту.

Егор сделал вид, что не заметил.

— Давайте спать, — сказал Семён через минуту. — Завтра много дел.

Легли на холодной плите, прижавшись друг к другу. Таню изредка мелко потряхивало, и Яна с её стороны начала тихо считать вслух: «Раз. Два. Три. Четыре». На «четыре» Таня делала вдох. Через минуту её дыхание выровнялось.

Егор лежал и думал о шагнувшей к нему гневой со звездой на лбу. О том, что за сообщение пришло Семёну и почему он так нервничает. Вспомнил про маленький серый камешек с белой жилкой и что в Рубеже у него нет ничего своего, кроме этого камешка. Заснул он не сразу.

* * *

Утром на камни и жёсткую траву лёг тонкий белый иней. Внизу стоял плотный низкий туман, и огни в нём выглядели как плоские светящиеся пятна. Семён стоял у края плиты, спиной к ним, и смотрел на карту, изредка всматриваясь в долину.

Егор сел тихо, чтобы не разбудить остальных, и долго смотрел Семёну в спину. Хотелось подойти и спросить, что Семён рассматривает на карте, что он решил и чего теперь им делать. Спросить было правильно и нужно, но как именно подойти, какие слова сказать, с чего начать, он не мог решить. Подойти и встать рядом молча было бы глупо. Сказать «доброе утро» — тоже глупо, какое тут доброе. Спросить «что будем делать» Егору тоже казалось неправильным.

Вчера на поляне он не поспел, а Семён правильно ему тогда сказал. Егор весь вчерашний день перебирал в голове, что мог сделать иначе, и каждый раз получалось, что мог, но не сделал.

Вскоре все проснулись и подошли, потягиваясь к Семёну, но тот свернул карту, повернулся и пошёл на другой конец плиты. Сев спиной к ним, положил руки на колени и снова стал смотреть вниз.

— Мне нужно подумать, — сказал он. — Я позже вам сообщу. Пока собирайте материал.

Егор начал собирать камни и складывать их во вчерашнюю кучу. Внизу в куполах со светом и гидропоникой, в тепле спала группа, которая вчера их обыграла. Лопухий, наверное, тоже ещё спит, сытый и на мягком. У него-то чётко всё получилось. И лицо Егора он вряд ли запомнил, толкнул походя и забыл. А Егор помнил, как их почти готовый маркер рассыпался в кучку ресурсов. И вот теперь они тут, на холодной плите, без воды, без еды, и Семён сидит спиной злой и не может решить, что делать.

Глава 5. Трудовые модели

Туман в долине потерял плотность и полосами сползал с холмов. Из него постепенно выступали ветряки и крыши чужих куполов. Огни внизу уже погасли.

Наконец Семён резко встал и пошёл к маркеру, подзывая всех к себе жестами обеих рук. Задумчиво оглядел кучку камней и стожок травы, пошевелил ногой палки.

— Маркер в первой фазе мы не поставили, и наше место, как видите, очень неудачное, — сказал он, обводя рукой площадку. — Обычная стратегия развития теперь нам не подходит.

Лёха поднял голову.

— Видимо, будет необычная с преодолением трудностей.

— Я активирую стартовый пакет поддержки, — продолжил Семён. — Автономный старт нам закрыт. На этой площадке нормально нам не разместиться: малый купол ещё влез бы, но для ветряка, гидропоники и склада места нет. Рейтинг у группы низкий, маркер пустой, воды, еды и инструментов у нас нет.

— Это прямо в точку, — тихо сказал Лёха. — Особенно про еду.

Семён на него даже не посмотрел.

— Остаётся городской режим. Центральный узел предлагает взять группу на обеспечение: питание, вода, простые инструменты, доступ к заданиям. За выполнение заданий будет начисляться рейтинг, ресурсные баллы и постепенно мы сможем встать на ноги.

Яна посмотрела на далекую реку, где на острове угадывались купола города.

— Городские рабочие, — сказала она. — С ограничением перемещений.

— А вы гулять тут собрались? — удивился Семён. — Будем хорошо работать, возможно, результаты будут даже лучше, чем если бы мы самостоятельно развивались.

— А если город решит, что мы плохо работаем? — спросил Егор.

— Подберет по силам. Простые задачи за еду и минимальный рост. Всё равно лучше, чем сидеть тут на горе.

Лёха фыркнул.

— То есть нас берут грузчиками и дворниками?

— Да хоть ассенизаторами, — спокойно ответил Семён. — Давай без лишних эмоций.

В городе тепло и светло, там кормят и заботятся. А тут у нас холодно и есть нечего. Так что, может, и нормально, что город нас берёт. Вот и Яна, хотя и молчит, вроде не против, подумал Егор. Но Лёха не зря, наверное, кочевряжится. Только что именно не так, Егор пока не понял.

Он сделал несколько движений над браслетом, кивнул сам себе.

На плите один за другим материализовались пять похожих на холодильники контейнеров. Сперва прозрачные, постепенно становились видимыми. Через секунду уже сверкали боками в ряд, а потом их стенки раскрылись лепестками и растворились, оставив стоять пять человеческих фигур в мешковатых серых комбинезонах без швов и застёжек. У ног каждого человека лежал короткий серебристый стержень с рифлёной ручкой и петлёй.

Егор вгляделся в их лица. У всех был разный цвет глаз, разная форма лица, разные волосы, ему показалось, будто взяли множество людей и собрали из них одного.

Стартовые пакеты поддержки активированы. Пять комплектов.

— А это что за люди? — спросил Егор. — Странные какие-то.

— Объясняю, — повернулся к нему Семён. — Это не люди, а трудовые модели.

Таня глянула на ближнюю и быстро отвела взгляд.

— Они нам будут нужны как помощники в городе. По одной модели на участника. Будут собирать ресурсы, переносить грузы, любую другую тяжёлую работу. Без них мы не справимся.

Город даёт задания, мы их выполняем, получаем еду, инструмент и баллы. Чем лучше закрываем задания, тем быстрее растёт рейтинг.

Лёха посмотрел на модели, потом на Семёна.

— То есть город пинает нас, а мы их.

Семён помолчал.

— Не пинает. Распределяет работу.

— Огромная разница, — сказал Лёха. — Прямо сразу отлегло.

Семён, не повышая голоса, строго сказал:

— Алексей, красивые решения нам недоступны. Мы ничего не ели с момента входа.

Сегодня у всех поплывёт выносливость, завтра будем работать вдвое медленней. Потом система перераспределит нас туда, где от нас больше пользы. Это и есть реальность.

— У нас же еды нет, а их, наверное, надо кормить? — тихо спросила Таня. — И как их зовут? Я не вижу над ними имён.

— Имя у них нет, — сказал Семён. — Они не участники. Протокол питания есть, но его можно отложить на пару дней. Падение эффективности будет допустимым.

Таня побледнела.

— На пару дней? А они не погибнут?

— При исчерпании ресурса модель можно заменить. Но если не выкручивать нагрузку до предела — выдержит долго.

Лёха медленно повернулся к Егору.

— Красиво. Нам выкручивает город, мы выкручиваем им. Рабство в два этажа.

— Это не рабство, — резко сказал Семён. — Это временная трудовая интеграция.

— Ну да, — сказал Лёха. — Так гораздо уютнее.

Егор смотрел на серебристые стержни у ног моделей.

— А палки зачем? Команды подавать?

— Стержень называется мотиватор, — сказал Семён. — Команду подаёшь голосом, если рядом, или через интерфейс, если далеко. Сейчас покажу.

Он подошёл к женщине среднего роста, поднял стержень, нажал кнопку на рукояти.

Модель подняла на него глаза.

— Собирай камни и складывай у маркера.

Женщина повернулась и стала собирать камни, нагибаясь и по одному относя в горку. Семён повернул кольцо на стержне. Женщина дёрнулась, втянула голову в плечи и стала собирать быстрее.

Таня сделала шаг назад.

— Вот так и управляются, — сказал Семён. — Чем сильнее выкручено кольцо, тем выше отдача. До упора — начинают дрожать, это предел. Постоянно держать не рекомендуется: модель быстро исчерпает ресурс.

Он повесил стержень на пояс, обернулся к группе. Женщина продолжала собирать, но уже чуть медленней.

— Подходите, выбирайте, кому какая больше нравится.

Семён отошёл и снова открыл карту, что-то в ней разглядывая. Из долины тянуло тёплым влажным ветром после тумана.

Таня подошла к худой молодой женщине, сидящей на земле. Присела рядом, посмотрела ей в глаза, потом на руки.

— Смотри, эта не пустая, — сказала она Егору тихо. — Посмотри на руку.

Побелевший кулак Егор сразу не заметил, а Таня углядела. И оттого, что Таня позвала именно его, Егора отпустило от слов Семёна. А Семён и Яна пусть думают что хотят: правильно бабушка говорила — своих надо держаться. Егор ещё раз посмотрел на руки модели: одна

свободно лежала на колене, а вторая была прижата к ноге и сжата так, что побелели костяшки. У соседних моделей кисти висели свободно.

Семён обернулся, глянул на сжатую руку и пожал плечами. И снова уткнулся в свою карту.

Лёха подошёл к модели Семёна и стал помогать ей собирать камни в кучку у маркера.

— Это люди, — сказал он. — Нельзя владеть людьми.

— Это виртуальные трудовые модели! — повысил голос Семён. — Мы в симуляции!

— Мы тут тоже виртуальные, — сказал Егор. — Только я считаю нас людьми.

Семён посмотрел на Егора долгим оценивающим взглядом.

— Это нерационально, — сказал он. — Выбор у нас между плохим и очень плохим. Ты уже один раз подвёл группу, Егор. Сейчас цена будет выше.

У Егора полыхнули уши. Все, наверное, с Семёном согласны, особенно Яна, ведь это правда, от которой никуда не деться. Все, наверное, уже увидели, как он покраснел. А Егор поворачиваться и опускать глаза не станет. Если не использовать этот чёртов стержень — значит подвести ещё раз. Значит, так тому и быть.

Семён обвёл всех взглядом и сделал несколько движений над браслетом. Потом прошёл вдоль четырёх оставшихся моделей, задерживаясь у каждой на секунду.

Подтвердите подчинение Городу, примите управление моделями.

ДА / НЕТ.

0 из 4.

Через секунду цифра сменилась: 0 из 3. Кто-то уже сказал НЕТ. Егора накрыл тот странный кураж, который иногда приходил к нему в безнадёжных боях, когда шансов уже не оставалось. Тогда внутри становилось пусто, спокойно и весело.

Он сунул руку в карман и нашёл там камешек и сжал его в ладони.

Подведёт ещё раз — пусть. Пусть.

Взглядом выбрал НЕТ.

0 из 1. Через долю секунды — 0 из 0. Сообщение погасло.

Браслет мигнул жёлтым.

Обновлённый рейтинг группы — 53.

Городской режим отклонён.

Приоритет поддержки снижен.

Секунд пять Семён, не меняясь в лице, читал что-то на своём браслете — глаза двигались по строкам, которых другие не видели. Потом смахнул и поднял взгляд.

— Я перехожу координатором в Центральный узел. Система считает, что я не справляюсь с ролью лидера. Я решил не продолжать.

Сказал без выражения. Помолчал.

— Группа должна состоять не менее чем из пяти участников. Вас остаётся четверо. У вас тридцать минут, потом система распустит её сама. Слушайте внимательно.

Он обвёл всех четверых пустым взглядом.

— Лучшее, что можете, — влиться в другие группы. Возможно, кому-то из лидеров нужны подсобные рабочие. Вы отказались и от города, и от трудовых моделей. Вместе вас не возьмёт никто: сложившуюся группу брать рискованно.

Помолчал.

— Если никто не возьмёт — идите в узел. Я распоряжусь пропустить вас, несмотря на рейтинг.

— Каждому будет назначено посильное место, — закончил он.

Семён шагнул к Яне, протянул руку.

— Яна, я передаю лидерство тебе, — сказал он, глянув на браслет. — У вас тридцать минут.

Яна секунду смотрела на его руку, потом подала свою. Семён задержал её ладонь в своей и слегка пожал.

Повернулся и пошёл вниз по тропе, не оглядываясь.

У всех перед глазами возникло очередное системное сообщение:

Семён Максимов покинул группу.

Новый лидер — Янина Соколова.

Состав: 1/5. Ниже минимально допустимого.

Браслеты мигнули красным. Егор глянул: красная полоса, над ней 29:54 — и сразу 29:53.

Серебристые стержни потеряли блеск, стали прозрачными и через пять секунд исчезли.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом модель Семёна перестала собирать камни, повернулась и пошла вниз по тропе. Три оставшиеся разом встрепенулись, и все разом направились вниз.

Сидящая подняла голову, огляделась и снова опустила, смотря себе на ноги.

Лёха посмотрел на свой браслет, на Яну, подошёл к маркеру и скормил ему камень. Чёрный столбик мигнул и почти не вырос.

— А вдруг он наврал, — сказал Лёха. — Группа из четырёх человек — вдруг можно. Как мушкетёры.

Яна провела ладонью перед собой открывая интерфейс.

— Егор, приглашаю тебя в группу.

Янина Соколова приглашает вас в группу. ДА / НЕТ.

Егор подтвердил. 2 из 5.

Яна повернулась к Лёхе, к Тане. 4 из 5.

Таймер шёл. 28:40. 28:39.

Лёха выдохнул, сел у скалы спиной.

— Значит, не наврал Семён.

— Двадцать восемь минут осталось, — сказала Яна. — И система говорит, что разослала уведомления лидерам всех групп со свободными слотами. По два места есть у немногих, больше двух нет ни у кого. Могу попробовать запрос на приём пары, тогда будет шанс попасть вместе.

Внимательно посмотрела на Егора и сказала.

— Лёша с Таней. Я с Егором. Это две заявки в группы с двойными слотами, и я поставила минимальные требования с нашей стороны. Думаю возьмут.

Лёха кивнул, подобрал самую длинную жердь, встал и легким пружинящим шагом пошёл к Тане. Егора это слегка кольнуло, но додумать он не успел.

Когда Лёха подошёл, Таня тоже кивнула и быстро отвернулась, глядя вниз в долину.

— Так я отправляю запрос? — Яна оглядела всех.

Таня обернулась и сказала, не поднимая головы:

— А давайте попробуем её пригласить к нам, вон ту, что сидит. — Таня отвела глаза. — У которой кулачок сжат.

— Её нет у меня в списке, Таня. У неё нет идентификатора участника. Я даже выбрать её не могу — её в интерфейсе нет.

— А ты попробуй.

— Слот свободный есть. Но пригласить в него можно только участника. А она же не участник.

— Ну что тебе стоит попробовать.

Яна коротко вздохнула, открыла интерфейс, поискала пальцами, мотнула головой.

— Я не вижу, к чему привязать приглашение. Не «не хочу» — мне не к кому его привязать. Её там нет.

— А на карте? Ты же видишь её на карте.

Яна посмотрела на Таню, потом в интерфейс. В левой руке развернулась карта. Все сдвинулись к Яне; Лёха заглядывал через плечо.

— Вот она. Точка. Серая. А мы зелёная кучка, участники. Серую точку я даже ткнуть не могу, ей нечем ответить. Понимаешь? Приглашают того, кто может сказать «да».

Голос у Яны сорвался на секунду. Она тут же свернула карту. Лицо стало непроницаемым.

— Время уходит, — сказала она, и голос сделался плоским, без щелей. — Мне сейчас отправлять заявки на пары. Иначе поздно — лидерам ещё думать.

Лёха положил свою любимую жердь на плиту и задумчиво сказал.

— Яна. Попробуй по-другому. Мы никому не скажем.

Яна резко обернулась. Лёха смотрел на модель и делал вид, что он тут просто мимо проходил.

— У нас и так всё не туда. Хуже уже не будет.

Яна сверлила его взглядом, а снова открыла интерфейс и быстро задвигала пальцами, будто вбивая команду в строку. Лицо застыло маской, глаза бегали.

Таймер: 25:51, 25:50.

— Всё, что можно сделать отсюда, из интерфейса, я сделала, — сказала она, опуская руки. — Отсюда — никак. Её там просто нет.

Таня подошла к модели, пустилась перед той на колени и стала тихо что-то ей говорить.

А у той пальцы вдруг собрались в щепоть — и снова легли свободно.

Таня резко встала, подошла Яне, посмотрела в глаза.

— Она не может сама, её надо позвать. Возьми её за руку как Семён тебя брал. И попробуй пригласить вслух.

Яна ошарашено посмотрела на Таню, и вдруг она улыбнулась, кивнула и подошла к модели.

Голова женщины чуть приподнялась. А может, Егору это показалось.

Яна опустилась на одно колено, медленно взяла её за руку — ту, что свободно лежала на правом колене, — и чуть сжала.

— Я приглашаю тебя в нашу группу, — сказала она вслух, очень ясно. И, помолчав: — Мы все тебя приглашаем.

Прошла пустая, длинная секунда, а потом пальцы женщины в Яниной руке шевельнулись и слабо ответили.

И тут у всей группы мигнули браслеты.

Состав группы: 5/5.

Лидер — Янина Соколова.

Рейтинг группы: 35.

Маркер не активен. Доступ к городскому узлу закрыт.

Красная полоса с таймером пропала.

Яна подержала руку модели, потом аккуратно положила той обратно на колено.

Модель осталась сидеть как сидела, с пальцами, свободно лежащими на коленях. Отозвалась и ответила, а потом нырнула обратно в себя. Что в ней ответило, Егор не понял, но по спине почему-то побежали мурашки.

Яна встала и быстро провела ладонью по щеке. — Согласилась, — сказала она, ни на кого не глядя.

— Я, честно говоря, в шоке, — сказала она, улыбаясь. — Обычно это я делаю глупости, но сегодня вы все мне сто очков вперёд дали.

Полупрозрачная пирамида маркера по центру стояла живым укором.

— Тридцать пять, — сказал Лёха. — Было пятьдесят шесть, без Сёмы тридцать пять. Маркер голодный, город для нас теперь закрыт. Мы, конечно, как игроки, может, и сделали глупость, но я не жалею. Но завтра мы будем это есть. В смысле — не есть.

Потом направился к маркеру, подбирая по пути камни.

— Маркер сам себя не наполнит, а солнце ещё высоко.

— До заката далеко, — сказала Яна. — Давайте поработаем.

И они стали работать.

Глава 6. Огонь

Проснулся Егор от чувства чужого взгляда. Пятая сидела у края площадки и пристально смотрела на него. Лицо её было словно пластиковая маска, она не двигалась и не шевелилась, и от этого Егору стало сильно не по себе. Он тихонько отодвинулся от Тани, стараясь не разбудить. Таня поворочалась во сне, протянула руку, нашла Лёхино плечо и придвинулась к нему. Лёха не проснулся.

Егор поднялся и стал размахивать руками, пытаясь согреться, но получалось плохо, холод забрался под куртку и уходить не спешил. Подойдя к вчерашней кучке материалов, он взял из неё короткую плашку и тонкую гладкую палку, задумчиво их рассматривая. Егор решил разжечь костёр. Дома-то он бы открыл ящик на кухне и достал зажигалку, а здесь кухни не было.

Шнурок из ботинка выглядел многообещающе, он был гладкий и крепкий. Егор сделал на концах фирменные Лёхины узлы, накинуд один на конец палки, затянул, подёргал. Держалось хорошо. Потом медленно согнул палку, упирая в скалу, и стал накидывать второй узел на другой конец.

Палка выпрямилась и больно щёлкнула его в лоб.

— Вот же зараза, — прошептал он. — Ладно. Тогда играем не в индейцев, а в питекантропа.

Узлы на шнурке затянулись намертво. Окоченевшими пальцами он долго ковырял их, прежде чем вернул шнурок обратно в ботинок.

Сев поудобнее, Егор прижал плашку ступнями, упёр в неё зажатую между ладонями палку, выдохнул и начал крутить.

Кончик ввинчивался в дерево, и под ним появилась медленно темнеющая лунка. Остро не хватало третьей руки, чтобы придавить палку сверху.

Через пять минут жгло у оснований больших пальцев, а через десять пузыри на ладонях лопнули. Боль была странная, будто руки онемели и не сразу вспомнили, что должны болеть. Егор принялся. Пахло дымком, но он не понимал, откуда: от лунки или уже от ладоней.

Решил изменить подход, упер один конец плашки в камень, прижал её коленом. Палку взял двумя руками крепче и под углом стал водить ею по дереву длинными движениями.

Сначала на плашке проявилась канавка, в её дальнем конце пыль собиралась горкой, горка темнела, а потом разом сделалась чёрной. Вот теперь запах был настоящий, тонкая белая струйка это подтверждала.

Егор поднёс пучок травы и тихонько подул снизу. Красная точка вспыхнула, прыгнула на сухую травинку и стала огоньком размером с ноготь. Егор подложил ещё травы и тонких веточек.

Через минуту перед ним горел небольшой костёр.

Он обложил огонь кругом из одинаковых камешков, сел рядом и, довольный, стал смотреть на костёр, который он сделал сам, на голой плите и без зажигалки.

И вдруг всё вокруг словно поставили на паузу.

Пропадал звук ветра, треск костра, птичий крик где-то сверху. Пламя застыло, как нарисованное. Дым повис над огнём неподвижной ниткой.

Потом паузу отпустило. Ветер снова коснулся лица, костёр заплясал, птица продолжила орать, ничуть не удивлённая перерывом.

Перед глазами возникла строка системного сообщения:

Адаптация сценария для группы. Активация примитивных технологий.

Строка мигнула и сменилась другой:

Повышение рейтинга группы.

По браслету Егора прошла зелёная пульсирующая волна и затихла. Браслета Лёхи видно не было, но на запястьях Яны и Тани творилось похожее. У Пятой на руке не светилось ничего — браслета у неё не было, но теперь она смотрела уже не на Егора, а на костёр.

Егор посмотрел на свои стёртые ладони, запас травы, деревяшек и горку камней.

— Ну что, — сказал он себе тихо. — Теперь я, выходит, примитивный технолог. Или технологический примитив. Неважно. Будем внедрять.

Он подошёл к стожку, взял горсть травы и помял между пальцами.

— Крутить от себя, накидывать на себя, — пробормотал он. — Вроде так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.